

**ЧЕЛОВЕК ПРИ ВЛАСТИ: ПРИРОДНЫЕ КОРНИ
КОРРУПЦИОННЫХ НАКЛОННОСТЕЙ**

Ермаков Ю.А.

*Доктор философских наук,
профессор кафедры политических наук,
директор Центра деловых и политических коммуникаций
ИППК Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия
jury.ermakov@urfu.ru*

MAN UNDER POWER: NATURAL ROOTS CORRUPTION INCLINATIONS

Ermakov Yu

*Doctor of philosophical science,
Professor, Department of Political Science,
Director of the Center for Business and Political Communications
IPPK Ural Federal University. B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
jury.ermakov@urfu.ru*

Аннотация

Коррупцию публичной власти в органах государственного и муниципального управления рассматривают обычно как юридическую, экономическую, политическую или социокультурную проблему. Однако в российской и зарубежной литературе не встречается работ, в которых были бы раскрыты природные предпосылки этих извечных злоупотреблений в деятельности правителей в разных странах.

По мнению автора, естественные начала, связанные с происхождением и эволюцией *homo sapiens*, с его сложившимся видовым обликом в качестве «животного политического» (Аристотель) подвигают нередко должностных лиц к злоупотреблениям вверенной им властью. Именно группа иерархических инстинктов, унаследованная человеком от своих предков – гоминид или возникшая конвергентно в сходных с другой животной родней условиях выживания и для соответствующих им целей, и ныне располагает людей к

превращению имеющейся у них власти в собственные выгоды. Словом, человек, как и его родственники в природе, пока не забывает строить таким образом иерархию соподчинения индивидов в социуме. Коррупция, стало быть, так или иначе стирает у носителей власти, манипулирующих ею, незримую грань между животным и человеком. Вот почему неразвитость личной этики и культуры чиновников и политиков, слабость общественного и государственного контроля за отправлением ими должностных полномочий могут приводить к активизации у них эволюционных свойств иерархической и хищнической природы человеческого существа.

Annotation

Usually, corruption of public authority in public and municipal administration authorities is viewed as a legal, economic, political or socio-cultural problem. However, in Russian and foreign literature there are no works, which would reveal, with the use of the theoretical analysis, the natural prerequisites for these age-old abuses in the activities of ruling elites in different countries.

Meanwhile, in the author's opinion, natural basics related to the origin and evolution of Homo sapiens, with his established specific image as a "political animal" (Aristotle), often force officials to abuse the authority entrusted to them. It is a group of hierarchical instincts inherited by humans from their ancestors-hominids or convergently emerged in conditions of survival similar to that of other ancestral relatives and for the purposes corresponding to them, which still disposes people to use the power they have for their own benefit. In short, a man, like his relatives in nature, continues to establish a hierarchy of subordination of individuals in society. Therefore, corruption somehow erases in power holders that manipulate it an invisible border between animals and humans. That is why the imperfection of personal ethics and culture of officials and politicians, the weakness of public and state control over the performance of their official powers may cause the activation of evolutionary properties of hierarchical and predatory nature of a human being.

Ключевые слова: иерархия, власть, врожденные программы поведения, должностные полномочия, административная рента.

Keywords: hierarchy, authority, innate programs of behavior, official powers, rent-seeking behavior.

Связи коррупционных наклонностей, выявляемых приобщением индивидов к власти, с самой природой человека, с ее социобиологической эволюцией, пока еще не стали актуальным и развернутым предметом научного анализа. Они достаточно редко и отрывочно обсуждаются в российской и зарубежной обществоведческой литературе [см. напр.: 9, с.170-174; 13, с.33-39; 12, с.62-65; 14, с.38]. Для России это, очевидно, объясняется отчасти действующим и сегодня в социальных науках марксоидным пониманием сущности человека как «совокупности всех общественных отношений», вытесняющим нередко изучение ее биологических компонентов и природоподобных (конвергентных) особенностей и свойств. Кроме того, в международной литературе сама проблематика коррупции как фактора угрозы развитию человеческой цивилизации стала отчетливо и масштабно осознаваться лишь в последней четверти 20-го, начале 21 века. Поэтому и для всестороннего анализа данной темы видно пока еще не пришло время. Хотя сегодня первые попытки создания «глобального антикоррупционного режима», включающего «различные антикоррупционные дискурсы» уже существуют и заявляют о себе. [15, с.372]

Между тем наличие врожденных программ в поведении человека в процессе манипулирования им властью, нацеленных, в частности, на захват и присвоение чужих благ и ценностей, можно бы было предположить уже в результате раскрытия его видовой характеристики, данной в свое время Аристотелем. Понимая его сложный облик прежде всего как «животного политического» [2, с.7], великий знаток живой природы и создатель зоологии, конечно, в первую очередь, оценил уникальность человека, сделав акцент на понятии «политическое». Иными словами, полисное, живущее в Древней Греции в небольших, иерархически оформленных городах-поселениях, и поэтому способное к высшей форме общения – политике, обеспечивающей, по

его словам, «благую жизнь» в совместном существовании людей. Вместе с тем Аристотель прямо указывает и на то, что человек, в сущности, остается животным (гр. *zoon politikon*) и его поведение, следовательно, задано биологической природой и первобытным прошлым.

Кроме того, очень важно, что наряду с «политичностью» природы человека именно критерий коррумпированности, т.е. «порчи», «разложения» государства (лат. «*corruption*») позволил Аристотелю отделить так называемые «правильные» в нем формы правления от «неправильных». При этом к правильным (монархия, аристократия, политейя) он относит те, в которых преобладают заботы об общем благе, о солидарности сограждан и народной пользе. А к неправильным (тирания, олигархия, охлократия как крайняя форма демократии) он причислял такое государственное устройство, в котором власть имущие преследуют свою эгоистическую выгоду в ущерб общим интересам [1, с. 105, 124].

Примечательно, что в 70-х годах XIX века русский мыслитель анархического толка М. Бакунин также обосновывал древний возраст коррупции, связывая ее появление с зарождением государства. «Никогда не было государства, - подчеркивал он, - которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как к средству управления» [3, с.71]. При этом коррупцию он считал совокупностью преступных деяний, однако вслед за Макиавелли подчеркивал ее способность в определенных ситуациях сохранять и укреплять государственность и поэтому быть для нее вполне приемлемой. «С того момента, - настаивал мыслитель, - когда преступление начинает служить орудием государства, оно становится добродетелью». [3, с. 74]

Наиболее отчетливо извечная природная подоплека связи власти как продукта иерархических отношений и соответствующих наклонностей биологических индивидов присваивать чужие блага описана в работах российских и зарубежных этологов [5, с. 221-222; 6, с. 12-21; 7, с. 37-45; 12, с. 167-169]

На большом фактическом материале они показывают, что у приматов, включая высших, типичные и многообразные виды присвоения и хищений в условиях иерархического устройства их общностей являются не только специфическими приемами «кормления» животными друг друга. Соподчинение особей служит и такой своеобразной «пищевой цепью», которая вместе с взаимным пропитанием структурирует и организует их кооперативное взаимодействие, что в свою очередь, содействует выживанию индивидов в группе, более эффективной защите от внешних угроз и внутренних конфликтов. Кроме того, отношения доминирования и повиновения четче упорядочивают репродуктивные связи между полами, способствуя тем самым появлению жизнеспособного потомства. [11, с.84-88]

У биологов и этологов вслед за Аристотелем нет сегодня сомнений в том, что по своей изначальной природе *homo sapiens*, будучи «политическим животным», остается, говоря языком естественников, «иерархическим приматом» [5, с.225-260], что по сути одно и то же. И, следовательно, вполне резонно можно полагать, что и сопутствующие его эволюции и отношениям соподчинения врожденные программы поведения в стадных иерархиях также никуда не девались и так или иначе, повышая управляемость, обнаруживают себя в вертикально интегрированном до сей поры человеческом социуме.

Так, наверху вертикально интегрированных общностей у людей и других приматов находились и по сей день находятся доминанты («вожди», «лидеры», «авторитеты»), за ними следуют субдоминанты («правлящие круги», «элита»), а внизу, «на дне», живут «простолюдины», «плебс», «подонки», «воры» (в смысле низкого происхождения), которыми можно не только управлять, но и помыкать. При этом самцы в стаде общественных приматов чаще всего и всю свою жизнь борются за высокий ранг в иерархии, поскольку он позволяет не только влиять на расстановку сил в сообществе, но и иметь наиболее лакомую пищу, привлекательных самок и сравнительно удобные для повседневного обитания места. Одним словом, власть как структурный компонент отношений господства и повиновения была и по большей части остается проявлением

законов построения иерархий, причем не только в животном, но и в первобытном человеческом мире. Преобладание иерархии в нем усилилось в связи с развитием сельского хозяйства, продукцию которого надо было сохранять и распределять. [10, с. 273-274].

Таким образом, с набором инстинктивных иерархических программ поведения, отработанных миллионами лет группового выживания и естественного отбора, люди вступили в имущественные, социальные и политические отношения между собой.

Хорошо известна и распространена инстинктивная программа отнятия различных благ у своих сородичей, стоящих на нижних ступенях животной иерархии. Примечательно, что действует она без применения физического насилия, получение благ идет, так сказать, «по чину», то есть по праву господства и доминирования [7, с. 38] Среди общественных обезьян, например, подчиненные особи, как правило, покорно и безропотно отдают те свои блага – лакомые куски пищи, привлекательных самок, занимательные игрушки, которые вызвали живой интерес доминанта. Подчеркнем, что этот способ «неправомерного присвоения» не только принуждает передавать ценности по вертикали снизу вверх, но и к тому же укрепляет прочность иерархического соподчинения, необходимого в организации групповой жизни.

Эта инстинктивная предковая программа имеет издавна природоподобный эквивалент в человеческом обычае подносить разнообразные подарки должностным лицам в расчете на их покровительство и благосклонность. А в первобытных общинах существовало известное правило делать регулярные подношения вождям и жрецам, дабы добиться их расположения. Предки славян, например, в своих языческих ритуалах, чтобы не прогневать божество плодородия, обмазывали медом его деревянному изваянию рот и губы. Не в связи ли с этим родилась впоследствии древняя поговорка об ублажении носителей власти – «не подмажешь - не поедешь»?!. Во всяком случае с ветхозаветных времен известны в России такие традиции как «кормление» воевод, дьяков и других служивых людей. «Приносы» им разнообразной пищи

и утвари, а также так называемые «почести» им и «посулы», «магарыч» и «поминки» для ускорения частных дел просителей, которые первоначально и взятками-то не считались. Словом, на основе врожденной биопрограммы выросла целая субкультура, стимулирующая меркантильность отношений начальства и рядового люда.

Из-за бедности древнерусского государства его содержание по византийской традиции было возложено целиком на население, живущее на вверенной местным или присланным чиновникам территории. Поэтому культурное оформление инстинктивной обусловленности отношений бюрократии и жителей было закреплено нормативно в первом сборнике правовых актов «Русская правда» в XI веке. Князь Ярослав Мудрый прямо указал в нем на ответственность простых людей за содержание и материальное обеспечение своих наместников, установив наказания за неисполнение этого повеления [8, с. 71]

Другая предковая программа присваивающего поведения, многократно описанная биологами и имеющая аналогии в человеческих действиях – захват и удержание самого источника благ. У животных пользуются спросом, в первую очередь, богатые кормом места и территории, водные ресурсы и плодоносящие деревья и растения, съедобные трупы зверей и в качестве охотничьей добычи стада малоподвижных животных. Этим добром завладевают, как правило, самые сильные и агрессивные, они изгоняют всех других на него претендентов. Известные примеры, когда кормушку у голубей, синиц или краюху хлеба у гусей и уток присваивают в результате схватки с сородичами самые бойкие и настырные, встречаются на каждом шагу. Есть и более изощренные способы завладения источником благ у других видов: в волчьей стае этим занимаются уже не в одиночку, а группой. Очевидно, что прихватить эти источники могут, как правило, самые ловкие, злобные и сильные особи, поэтому для других сам факт обладания ими – свидетельство правомерности их власти и авторитета.

У человека подобная программа проявляется уже в раннем детстве – в схватках малолетних за детсадовские игрушки, в борьбе за первенство на

деревенских улицах и в городских подворотнях. Впрочем, уже взрослые, облеченные властью, пускаются во все тяжкие, прихватывая правдами и неправдами ценные общественные активы – плодородные гектары земли, крупные бюджетные ресурсы и прибыльные предприятия на этапе приватизации, рентные доходы с вывоза из страны нефти, газа, леса, металлов, рыбы, других минеральных богатств. Кроме того, должностные лица стараются подчас контролировать чужой бизнес так, чтобы обеспечить себе регулярный «приход» барышей за предоставление предпринимателям налоговых послаблений, имущественных льгот или государственных и муниципальных заказов.

Еще одна простейшая программа – отнятие чужого пропитания или имущества силой есть у очень многих общественных животных, включая, конечно, и приматов. Нередко уже детеныши начинают обирать и грабить своих сверстников прежде других полезных контактов с ними. А в зрелом возрасте завладение чужим добром уже случается не только благодаря физической мощи, но и с использованием иерархического ранга особей. Причем, делается это нередко, к примеру, у стадных обезьян в символической форме: вручил какую-либо подачку особи ниже рангом, а затем тут же ее отнял. Так подается сигнал об иерархическом превосходстве и необходимости укреплять соподчинение повиновением и, конечно, разными дарами [10, с. 39]

Очевидно, что данная программа поведения общественных животных очень схожа с чиновничьим давлением, принуждением и вымогательством подношений, взяток, «откатов», незаконных «взносов» и платежей из карманов граждан в обмен на действие или бездействие служивого люда. Умение так выстроить требования и условия для имущих и платежеспособных лиц, чтобы они эту «обдираловку» могли терпеть и признавать, относится к высокому начальственному искусству «работы с населением и бизнесом».

Впрочем, заметим, что у общественных животных откровенное, в соответствии с рангом и «чином», ограбление нижестоящих уравнивается другим врожденным способом заполучения чужих благ – их тайным

похищением. Как подчеркивают этологи, это воровство принципиально отличается от «начальственного» грабежа и принуждения к подношениям тем, что его совершают особи, стоящие по рангу ниже обкрадываемых. Вот почему подобная «тащиловка» совершается скрытно, с применением разного рода уловок и ухищрений. А искусно стянув, подневольные животные убегают и ворованное прячут, либо незаметно съедобное поглощают. При этом, чем жестче иерархическая структура стада, тем сильнее, например, у общественных обезьян, процветает воровство. Поэтому вполне достоверным и приемлемым здесь становится утверждение о том, что в устойчивом соотношении «начальственного» грабежа, с одной стороны, и тайных хищений подневольными особями у своих иерархов, с другой, балансируются и упрочиваются, в конечном счете, отношения господства и повиновения в стаде. У людей раскрадывание прислужой различных ценностей, принадлежащих богатым хозяевам – типичная картина преступлений и правонарушений в различных общественных иерархиях. Известно, например, что знаменитые уральские промышленники Демидовы допускали тайное присвоение управляющими их заводов и домовладений до 10% хозяйских доходов. Они считали этот приварок к официальной оплате работы своих управителей неизбежным и поэтому не наказывали за него.

Таким образом природоподобие своекорыстных манипуляций властью со стороны человеческих индивидов позволяет сделать некоторые, по нашему мнению, полезные и интересные выводы.

Во-первых, предположение о том, что коррупционные преступления и правонарушения имеют своими предпосылками видовые инстинктивные программы поведения высших приматов (да и других животных) в отношениях господства и повиновения между собой носит вполне обоснованный, имеющий обширную фактографию, характер. Правда, у сородичей человека среди общественных приматов способности присваивать чужое – отнять, ограбить, обобрать, похитить не принадлежащие им блага обладают с оценочной точки зрения вполне нейтральным и, можно сказать, во многих случаях полезным

значением. Цепь взаимного кормления, вырастающая из комбинаций этих способностей (отнятие силой, к примеру, со стороны доминанта и попрошайничество ему подвластного) превращается в итоге в устойчивое иерархическое обустройство животной общности. А такое ее строение, в свою очередь, позволяет гасить губительные конфликты между особями, организовать защиту стада от внешних угроз и нападений, преодолевать самые разные напасти в процессе коллективного выживания. Наконец, эти отношения способствуют в процессе естественного отбора воспроизводству жизнеспособного потомства от наиболее сильных и стойких организмов.

Во-вторых, можно полагать, что звериные корни коррупции дают о себе знать в маниакальности стяжательства и алчности – этих тайных страстях к обогащению должностных лиц, их наркотическом «опьянении» от коррупционных возможностей власти: погрузившись в несправедные дела, правители и служивое сословие уже редко когда могут остановиться. Конечно, здесь играет роль и чудодейственная сила самой власти: присвоенные и захваченные с ее помощью, скажем, деньги и драгоценности волшебным образом возрастают на порядки и могут уже измеряться не штуками, а десятками килограммов, а, к примеру, земельные участки – сотнями гектаров²².

В-третьих, думается, что предковый характер хищений, отъема и грабежа, биологические программы завладения чужими благами дают о себе знать и в сокрушительных масштабах коррупции, ее всепроникающем свойстве присутствовать в основных сторонах деятельности публичных властей. Исчезнув в результате действенных антикоррупционных мер в одной сфере, эти клептократические пристрастия, реанимированные наличием доминирования и власти, спонтанно проявляются в другой. Словом, благодаря группе иерархических инстинктов, ориентирующих на барственность и стяжательство,

---

²² Вспомним сподвижника Петра I Алексашку Меньшикова, обладавшего богатством, превосходящим годовой бюджет Российской империи. Или нынешних экс-чиновников Васильеву (Минобороны РФ) и Хорошавина (экс-губернатор Сахалина), у которых изъятые Следственным комитетом РФ драгоценности и денежные купюры измерялись десятками и даже сотнями килограммов. [13, с.40]

коррупция является не только системным, но и системообразующим явлением, регулярно возрождающимся в самых разных областях деятельности носителей власти.

Вместе с тем у последнего остается и определенная свобода действий, позволяющая делать осмысленный выбор, сопряженный с его нравственностью, воспитанием и культурой, развитостью интеллекта и самосознания. Вот почему в господстве над другими людьми или повиновении им человек лишь предрасположен и рискует разблокировать и пробудить свои природные склонности. И стать в этом случае соответствующим своей реликтовой природе существом – лихим и вороватым представителем популяции приматов, то есть на время «одичать» вновь. Примеров такого перерождения людей при власти несть числа.

Список литературы

1. Аристотель. Политика. Афинская политика. М.: Мысль, 1997. – 458 с.
2. Аристотель. Политика. М.: Изд-во АСТ, 2016. – 384 с.
3. Бакунин М. А. Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности// Вопросы философии. 1990. №12. С. 69-77.
4. ...Васильева расплатится бриллиантами// Еженедельник «Аргументы и факты»: 2014. №23, с. 40.
5. Де Валь Ф. Политика и шимпанзе: Власть и секс у приматов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 272 с.
6. Дольник В. Р. Естественная история власти// «Знание-сила». 1994. №10. Ст.1. С. 12-21.
7. Дольник В. Р. Естественная история власти// «Знание-сила». 1994. №11. Ст. 2. С. 36-45.
8. Ермаков Ю. А. Коррупция публичной власти: российский вариант. Опыты противоборства. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 288 с.
9. Жувенель Б. Власть: Естественная история её возрастания. М.: ИРИСЭМ, мысль, 2011.– 546 с.

10. Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: АСТ: CORPUS, 2013 – 464 с.
11. Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М.: АСТ: CORPUS. 2013. – 464с.
12. Моррис Д. Голая обезьяна. –М: Колибри, Азбука-Аттикус, 2016. - 848с.
13. Нисневич Ю. А. Коррупция: инструментальная концептуализация//Социс. Социологические исследования. 2016. №5. С. 61-68.
14. Нисневич Ю. А. Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход//Полис. Политические исследования. 2014. №6. С. 32-51.
15. Darden K. The Integrity of Corrupt State: Graft as an Informal State Institution // Politics and Society. 2008. Vol. 36. №1. P 35-60
16. Slager R. 2017. The Discursive Construction of Corruption Risk – Journal of Management Inquiry Vol. 26. No. 4. P. 366-382.
<http://doi.org/10.1177/1056492616686839>. (Дата обращения: 3.04. 2018)